

УДК 94 (497.1)

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ
В СЕРБСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

© 2020 г.

Я.В. ВишняковМосковский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел России, Москва

vishnyakov@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.08.2020

Анализируются основные этапы формирования в Сербии исторической памяти о событиях Первой мировой войны и русских революций 1917 года. Демонстрируются основные векторы развития научных представлений об этих важнейших явлениях европейской и мировой истории в связи с нюансами формирования югославянской идеи, ее оценками и различными взглядами на ее практическую реализацию.

Ключевые слова: Первая мировая война, историческая память, русские революции 1917 г., Сербия, образование Югославии, королевство СХС, СФРЮ, Й. Тито.

В серьёзных академических исследованиях история мировых войн воспевается как необычайно важное явление, последствия которого ключевым образом отразились на судьбе народов европейского континента, а «эпическое» или «героическое» видение тех событий, в свою очередь, стало устойчивым воспитательным элементом в формировании общественной лояльности. Российская историография долгое время считала Первую мировую войну империалистической, что сделало её фактически «забытой» в массовом историческом сознании. Лишь накануне 2014 года – столетия её начала появился широкий спектр новых (как научно-публицистических, так и академических) исследований, причем их авторы не только стали вводить в научный оборот новые документальные материалы, посвященные описанию военных действий, но и перешли к анализу многоплановой проблемы – война и общество. В этом смысле «дух времени» этой глобальной мировой катастрофы изучается в том числе и через антропологический аспект: «человек на фронте», «человек в тылу», «человек в оккупации» и т.д. [1].

При этом при упоминании об участии Сербии в событиях Великой войны 1914–1918 гг. в коллективной памяти сразу рождаются устойчивые, зачастую мифологизированные, стереотипы, объединённые понятиями «сербский вопрос» и «Сербская Голгофа». Оно включает в себя не только героический исход сербской армии через горы Албании осенью–зимой 1915/1916 гг., но и такие понятия, как Сараевское убийство, Церская и Колубарская битвы 1914 г., прорыв Салоникского фронта 1918 г. В исторической памяти эта героика накладывается на общие сведения о распаде четырёх империй, российской революции 1917 г., создании

Королевства сербов, хорватов и словенцев, Версальской системе и формировании новой системы международных отношений. При этом собственно репрезентация памяти о событиях, происходивших на Балканах в 1914–1918 гг., не является доминирующей в исторических исследованиях. Так, в выпущенном в 2017 г. Институтом всеобщей истории РАН многотомном фундаментальном исследовании «Всемирная история» – в разделе, посвященном непосредственному анализу событий Первой мировой войны, – о Балканах и Сербии практически не упоминается, что, в контексте общего анализа боевых операций на европейском континенте, подчеркивает периферийность балканского театра мировой войны [2, с. 253–308].

Для современной сербской исторической науки характерен прямо противоположный вектор, связанный с гиберболизацией подвига сербской армии в событиях той войны. Это относится не только к военной составляющей, но и к развенчанию мифа об ответственности сербского правительства за развязывание войны и подчеркиванию решающей роли Сербии в создании общего югославянского дома. Это вполне объяснимый факт, поскольку оккупация Югославии в годы Второй мировой войны сопровождалась невиданной ранее гражданской войной, а более 70% жертв тех трагических событий пало от рук собственных сограждан [3, с. 3]. Именно поэтому в титовской Югославии историческая память о событиях и персоналиях 1941–1945 гг., скорее, разделяла, а не сплачивала ее народы, что наиболее ярко проявилось в период кризиса и новой гражданской войны на ее бывшей территории в конце 90-х годов XX века и характерно для сегодняшних научных и общественно-политических дискуссий [4]¹. В этом

смысле глорификация подвига сербского солдата в 1914–1918 гг. в наши дни становится важным инструментом возрождения собственно сербской истории, которая в период Тито как бы растворялась в истории других входивших в СФРЮ народов. Не случайно в последние десятилетия сербские историки уделяют особое внимание как событиям кануна Первой мировой войны, так и героизму сербских войск на ее балканском театре, при этом в научный оборот введен обширный пласт соответствующих документов, в том числе ранее неизвестные мемуары сербских военачальников [6–11].

В то же время сербские военные победы 1917–1918 гг., прорыв Салоникского фронта, воспринимаются в том числе и как важный фактор формирования югославянского государства, когда успехи сербских вооруженных сил сделали возможной реализацию этой программы. Обращение к многочисленным работам сербских историков, анализирующих участие Сербии в Первой мировой войне, репрезентативно показывает то, в какой мере их авторы зависят, с одной стороны, от собственных идеологических или мировоззренческих представлений, а с другой – от общественно-политической конъюнктуры по сложным вопросам исторической памяти – дискуссий собственно как о необходимости формирования нового государства сербов, хорватов и словенцев, модели и форме этого объединения, так и о его жизнеспособности. Огромные материальные и человеческие потери, отказ именно Сербии от собственной государственности ради строительства новой страны, самопожертвование ради стремления собрать воедино «неосвобожденных братьев», становится сегодня важным элементом осмысления целесообразности существования Югославии и собственно места сербов и Сербии в этом объединении. Казалось, что в 1918 г. многолетняя мечта сербов, определявшая политические ориентиры страны с первой половины XIX в., стать своеобразным югославянским «Пьемонтом» наконец-то осуществилась. Однако именно в это время, как заметил историк А.Л. Шемякин, «заглушаемая «трескотней» официальной риторики и взаимных заверений в «братстве и единстве», неслышно тикала та самая мина хорвато-сербских противоречий, которая после более чем семидесятилетних попыток её разрядить, рванула на наших глазах» [12], поскольку в едином государстве югославы так и не смогли стать единым народом. Можно констатировать, что курс на создание на Балканском полуострове искусственной наднациональной конструкции, связанный в том числе с попытками строительства нового «югославянского» народа, обратился в трагедию двух Югославий XX века.

В период существования СФРЮ интерпретации предпосылок, событий и последствий Первой мировой войны служили как поборникам правящей идеологии, так и авторам, находившимся в плену собственных иллюзий, историографическим аргументом, а именно «научным» оправданием существования югославянского государства. Причем, оправдывая историчность создания Югославии, ряд авторов руководствовался не только научными соображениями, проецируя понятия «Югославия» и «югославянские народы» на далекое прошлое – на первобытную эпоху и античные времена. Более сдержанные исследователи начинали «историю Югославии» с раннего Средневековья².

В то же время предметом анализа сербских историков стало изучение влияния русских революций 1917 г. на Сербию и на процессы создания Югославии (королевства СХС). И если до Второй мировой войны в королевстве СХС события 1917 г., особенно большевистский переворот, рассматривались в основном в негативном контексте³, то после 1944 г. Октябрьская революция стала важным элементом в коммунистической идеологии. Причем после 1948 г., в период обострения конфликта между И.В. Сталиным и И. Тито, КПЮ, на фоне откровенно русофобской риторики, упоминания об Октябрьской революции были максимально редуцированы⁴. После смерти И.В. Сталина в 1953 г. тема Октябрьской революции стала постепенно и осторожно возвращаться в контекст югославской пропаганды [26]. Этому способствовали как заметное потепление советско-югославских отношений, так и две юбилейные даты – 1957 г. и 1967 г. Естественно, что к 1957 году оценки событий октября 1917 года были еще осторожны, что выразилось в публикации работ в основном мемуарной и библиографической природы (в частности, перевод знаменитой книги Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»), а также обзорных компиляций [27–36]. Спустя 10 лет голос историков зазвучал смелее, причем анализ событий Октябрьской революции стал увязываться с вопросом влияния этого события на южнославянское объединение, что стало предметом обсуждений югославских историков, но в рамках беспрекословной парадигмы Югославии как логичного апофеоза многовековых стремлений всех южнославянских народов [37–39]. Появилось несколько программных статей, которые довольно безапелляционно предлагали «окончательные ответы» на все ключевые вопросы [40–43]. Причем сквозь призму октября трактовались и события февраля 1917 г. Однако после 50-летнего юбилея интерес к анализу событий октября 1917 г. стал постепенно затухать, привлекая лишь отдельных вдумчивых исследователей, таких, например, как Сава Живанов, Никола

Б. Попович или Джордже Станкович [44–46]. А в результате падения монопартийного режима в Югославии и последующего распада страны эта тема превратилась для сербских авторов в экзотичную и почти забытую⁵.

В этом контексте хочется упомянуть исследования Б. Храбака, акцентировавшего свое внимание на причинах и событиях свержения самодержавия в феврале 1917 г. [48, с. 7–58]. Для него, так же как и для большинства историков СССР, Февральская революция была объективно предопределенным событием, которое, в свою очередь, стало начальным аккордом к еще более объективно предопределенному событию – Октябрьской революции. Тем не менее работы Б. Храбака можно рассматривать как новаторские для тех лет, поскольку он фактически первым в академической науке Югославии (Сербии) пришел к выводу о том, «что после краха царской России исчезла православная опора сербского правительства, а устами Милукова стала и в России провозглашаться югославянская идея <...>. Обобщенно говоря, в результате Февральской революции югославянская идея, как прогрессивная, выиграла, а идея велико-сербская⁶ проиграла» [48, с. 51, 57]. Собственно иллюстрацией взглядов Б. Храбака служит телеграмма, направленная министром иностранных дел временного правительства М.И. Терещенко 2 (25) июня 1917 г. поверенному в делах при сербском правительстве Б.П. Пелехину по поводу подписания знаменитой Корфской декларации: «Благоволите от имени Временного правительства нижеследующее приветствие съезду делегатов Юго-Славянских земель, собравшемуся на Корфу: «С чувством особого нравственного удовлетворения Временное правительство осведомилось о решении делегатов Юго-Славянских земель съехаться на Корфу для совместного обсуждения с представителями сербского народа интересующих Юго-Славян вопросов. Временное правительство посылает свой искренний и братский привет съезду и высказывает горячие пожелания, чтобы труды его увенчались полным успехом, как подготовительная работа для установления в будущем тесного и прочного единения между югославянами, на началах самоопределения, справедливого признания взаимных прав и согласования политических и экономических интересов. Съезд при этом может быть уверен, что в этом отношении он встретит сочувствие и поддержку со стороны свободной России» [49, Ф. 323 – Дипломатическая канцелярия при Ставке. Оп. 617. Д. 94. Л. 32].

Заметим, что интерес сербских исследователей к этой теме в последние годы существенно вырос, что связано как со столетием тех непростых событий, так и переоценкой сербскими историками многих сюжетов, связанных с исто-

рией двух Югославий и местом Сербии в их составе. Отметим в этой связи вышедший в 2017 г. сборник, подготовленный Институтом новейшей истории Сербии в сотрудничестве с Институтом славяноведения РАН – «Сербия и русская революция» [50; 51]. Статьи, вошедшие в эту книгу, позволят читателю ретроспективно понять, как события 1917 г. отразились не только на политических отношениях двух стран, а также с позиций современной академической науки оценить, в контексте тех событий, нюансы формирования югославянской идеи, ее оценки и различные взгляды на ее практическую реализацию.

Вопрос о причинах мирового пожара 1914–1918 гг., участия Сербии в событиях Первой мировой войны и политике Великих держав получил более весомые оценки как в югославской, так и в современной сербской историографии. При этом некоторым сербским авторам свойственно некоторое преувеличение значимости Сербского королевства в европейских делах начала XX века, когда, по мнению известных сербских ученых Л. Димича и М. Радович, «именно сербский вопрос, понимаемый как необходимость освобождения частей сербского народа и объединения их с Сербией был одновременно важным вопросом европейской истории. Вокруг него сталкивались интересы великих держав, заинтересованных в том, чтобы решать международные проблемы внутри существующей «европейской системы», и не готовых одобрительно, без сомнений поддержать желания малых народов добиваться самостоятельности собственными силами» [52, с. 6]. Отметим, что восточный вопрос хотя и играл заметную роль в европейской политике, но по меткому выражению Э. Хобсбаума, «Балканы для большинства европейцев, которые никогда там не жили, принадлежали к царству приключенческих рассказов или оперетты» [53, с. 437].

Конечно, в этой связи важное место занимает, актуализированная столетием начала Первой мировой войны, начавшаяся еще в 20-е годы XX века, дискуссия о виновнике мирового пожара, а именно о степени ответственности сербского правительства за ее развязывание – причем для современной европейской исторической мысли характерно традиционное желание представить именно сараевское убийство 14 (28) июня 1914 г. как чуть ли не единственную причину начала мирового пожара 1914–1918 гг., поскольку ни одна великая держава не стремилась к развязыванию этого конфликта⁷. Поэтому прямая ответственность за его начало возлагается исключительно на «террористическую политику» сербского правительства и стоявшую за ней царскую Россию, якобы преследовавшую имперские «агрессивно-экспансионистские» цели [55].

В этой риторике, помимо очевидной глобальной, прослеживается и локальная, региональная подоплека: провести исторические параллели между событиями 14 (28) июня 1914 г. и относительно недавними трагическими последствиями распада Югославии в 1991–1995 гг. и современным Косовским кризисом. Тем самым в глазах европейского общественного мнения еще раз оправдываются и военное вмешательство в данный конфликт стран НАТО как единственно верный способ «обуздать» Белград, и бомбардировки Югославии в 1999 г., и даже деятельность Гаагского трибунала, по сути превратившегося в судилище над Сербией и сербами. Сам же Г. Принцип из борца за свободу превратился в глазах европейского общественного мнения в экстремиста и фанатика, идейного вдохновителя современных международных террористических организаций. В этом смысле современные сербские исследователи в канун 2014 г. продолжили начатую еще знаменитым историком В. Дедиером⁸ борьбу с подобной ревизией исторического прошлого⁹. В предисловии переведенной на русский язык книги «Кому нужна ревизия истории?» авторитетный историк Миле Белаяц менторски подчеркнул, что «будучи несколько лет свидетелем того, как одна из заинтересованных сторон намеревается приурочить к годовщине начала войны публикацию якобы новых и сенсационных опусов, я счел необходимым составить в помощь будущим историкам своего рода памятку, описывающую, как интересующая нас тема рассматривалась на протяжении прошедшего столетия» [58, с. 17]. Тем удивительнее, что диссонансом в этом общем хоре стал голос специалиста Р. Люшича, автора книги «Г. Принцип. Очерк о национальном герое» [59], сделавшего для сербского историка смелое заявление: «бесспорно, что Сербия ответственна за то, что не предотвратила убийство Франца Фердинанда»¹⁰, что вызвало серьезную критику его суждений со стороны того же М. Белаяца [58, с. 150–152]. По поводу указанной книги Люшича он также высказался вполне определенно: «Он не единственный историк, который готов пойти на некий компромисс, дабы сербская историография выглядела более привлекательной или приемлемой в глазах общественности центрально-европейских государств и в целом на Западе. Может, мои слова прозвучат слишком грубо, но исходя из сорокалетнего опыта работы историком, я смею утверждать, что за несколько месяцев нельзя написать серьезное аналитическое исследование, основываясь лишь на результатах поверхностного ознакомления с темой или на воспоминаниях о том, что когда-то приходилось читать. Тема, о которой мы говорим, требует огромных усилий, способности предпринять компаративистский подход,

осмыслить колоссальный массив архивных материалов. Невозможно наспех за 2–3 месяца написать адекватное исследование, руководствуясь лишь представлением о злободневности или желанием пойти навстречу пожеланию покойного немецкого историка Хольма Зюндхаузена, заявившего, что «в сербской историографии еще не появился свой Фриц Фишер». И теперь один из нас позиционирует себя как эдакий доморощенный Фриц Фишер»¹¹.

Заметим, что современные концепции причин мировой войны базируются на трудах классика сербской историографии А. Митровича. Так, например, восточному направлению германской и австрийской политики посвящена его работа «Прорыв на Балканы. Сербия в планах Австро-Венгрии и Германии 1908–1918 гг.» [60], в которой автор обосновывает тезис о том, что, проникнув на Восток – на Балканы и в Переднюю Азию, Германия обзавелась бы территориями, экономическая эксплуатация которых позволила бы ей претендовать на мировое господство. В свою очередь, Австро-Венгрия стала сторонником этой политики, чтобы путем аннексии государств на ее южных границах решить собственные внутренние проблемы. Сербскому королевству предстояло первому принять этот удар. Еще одна его монография «Сербия в Первой мировой войне» посвящена анализу политических перипетий в Сербии накануне событий июльского кризиса и военным операциям на сербском фронте [61].

В свою очередь, не менее известный сербский историк М. Экмечич рассмотрел военные цели Сербии [62], напрямую увязав их с идеей формирования нового югославянского государства и противодействия реализации югославянского проекта со стороны великих держав. Ключевой вопрос о генезисе и динамике русской позиции по вопросу о сербском/югославском государстве также интересовал автора. Оценивая балканскую политику России в контексте ее стремления к Проливам, автор полагает, что именно этот вектор стал главным в политике России, что проявилось в формулировании ее военных целей и предложений, озвучиваемых на международной арене. Югославянский вопрос, в свою очередь, стал актуальной политической проблемой в период обострения итальянского и болгарского кризисов, что и вызвало многочисленные затруднения в процессе его урегулирования.

Непосредственно о русско-сербском сотрудничестве в годы Первой мировой войны было написано сравнительно немного работ, а попытку их обобщения предпринял известный историк Никола Б. Попович в монографии «Сербия и царская Россия» [63; 64]. Степень близости Сербии и России, как справедливо полагал автор, зависела от того, в какой мере

сербские интересы совпадали с российскими. Двустороннее сотрудничество осуществлялось, в силу этого, на военном поприще – как в области попыток согласования войсковых операций, так и в поставках вооружения из России, которые продолжались вплоть до падения Сербии. По мнению Н. Поповича, в этом плане Россия и оказала Сербии наибольшую помощь. Кроме того, российские кредиты Сербии по своим объемам не уступали союзническим. Развивая данную тему, историк посвятил ряд своих работ сербско-русским связям не только в годы Первой мировой войны, но и в период революции и Гражданской войны [65]. Поскольку о югославянах в событиях 1918–1922 гг. написано не так много, это делает работу Н.Б. Поповича крайне интересной для русского читателя. Остается лишь посоветовать на то, что эта книга до сих пор не переведена на русский язык. Тот же Н.Б. Попович был одним из первых ученых, кто обратился к судьбе плененных австрийских военнослужащих-славян (составлявших основу сформированного в Одессе Сербского добровольческого корпуса) в подготовленном им сборнике документов «Югославянские добровольцы в России, 1914–1918» [66].

Вместе с тем заметим, в современной сербской академической науке отмечают не только размывание, но ревизионизм в оценках роли Российской империи в судьбе Сербии. В уже упомянутой нами и переведенной на русский язык книге Л. Димича и М. Радоевич «Сербия в великой войне 1914–1918 гг.» прямо указано: «великие державы не поддержали упорных настояний Николы Пашича, чтобы за ней официально был признан статус государства-союзника. Этому последовательно противилась и наибольшая защитница сербов – Россия» [52, с. 153]. Поэтому, рассказывая о перипетиях сербской истории 1914–1918 гг., уважаемые авторы фактически исключили из своего повествования Россию, ни словом не обмолвившись не только о защищавших Белград русских артиллерийских батареях, о русских инженерах и минерах, потопивших флагман австрийской дунайской флотилии «Гемеш», о русских врачах, спасавших жизни сербских солдат в условиях страшной эпидемии холеры и тифа, но и о оказанной Россией значительной материальной помощи сербской армии, перевозимой по Дунаю конвоями под руководством М.М. Веселкина. Ни слова в книге не сказано и о воевавших плечом к плечу с сербами на Салоникском фронте русских бригадах.

Тем не менее общая память о совместном участии России и Сербии в событиях Первой мировой войны является важной составляющей в палитре общего взаимовосприятия, тем более, что русские и сербы не только в Первую, но и Вторую мировую войну были народами, вое-

вавшими только по одну сторону баррикад и против одного общего врага. Приходится, таким образом, констатировать, что Первая мировая война остается важным элементом исторической памяти, став своеобразной матрицей не только прошлого, но и нынешнего века.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-00163).

Примечания

1. См. также рецензию на эту книгу историка А.А. Силкина, опубликованную в журнале «Историческая экспертиза» [5, с. 210–223].
2. «Наша страна в эпоху первобытного общества» – заголовок первой главы книги «Historija naroda Jugoslavije» [13]. Эта «история» от античных времен прослеживается в работе «Историја Југославије». [14]. С 7 в. н.э. начинаются такие работы, как *Ђоровић В.* Историја Југославије. Београд, 1933 [15], также в изданная в СССР «История Югославии» [16]. О мифах сербской истории изложено в монографии историка Д. Ристича [17].
3. Заметим, что в Королевстве СХС появились воспоминания сербов – свидетелей событий 1917 г. и переводы на сербский язык работ русских эмигрантов, в которых событиям 1917 г. давалась одиозная и эмоциональная оценка. Среди них важное место занимают свидетельства сотрудника сербской миссии, профессора Р. Йовановича – свидетеля подписания Брест-Литовского мира. Он смог покинуть советскую Россию только в 1924 г. [18]. Из других работ отметим [19–23].
4. Литература о русской революции 1917 г. на сербском языке выходила в то время только в политической эмиграции [24; 25].
5. Примером этого может служить сборник, изданный Институтом современной истории по итогам прошедшей в Белграде в мае 1979 г. (заметим, всего два года спустя после празднования в СССР и в странах советского блока 60-летия Октября) крупной конференции «Создание Югославского государства 1918 г.». Тема русской революции и ее влияние на южнославянское объединение на его страницах никак не звучала, хотя ряд статей был посвящен влиянию роли британской и французской дипломатии на процессы создания Югославии [47].
6. Т.е. идея национального освобождения и объединения сербов в рамках единого национального государства.
7. Так, например, в изданной в СССР в 1934 г. объемной двухтомной монографии по истории Первой мировой войны британского историка С. Фейя прямо указывалось, что сербское правительство заранее знало о готовящемся преступлении, а сербский премьер Н. Пашич даже предупреждал об этом австро-венгерские власти. Возлагая на сербское правительство ответственность за начало войны, историк прямо пишет, «что члены сербского правительства знали о заговоре приблизительно за месяц до убийства, но не приняли никаких серьезных мер, чтобы предупредить его» [54, с. 39].
8. Объемная, написанная на широкой источниковедческой базе двухтомная монография югославского

историка Владимира Дедиера «Сараево 1914» и сегодня является самым фундаментальным исследованием по общему анализу внутривосточных противоречий кануна Первой мировой войны. Автор при этом делает выводы о том, что сараевское убийство можно рассматривать только как одну из «многочисленных причин Первой мировой войны» [56].

9. См., например, дискуссии и комментарии сербских историков по данному вопросу: <http://www.blic.rs/Vesti/Drustvo/387215/Istoricari-Gavrilo-Princip-nije-bio-terorista> (дата обращения: 06.09.2020). Разоблачению ревизионистских мифов о начале Первой мировой войны посвятил свое исследование директор архива Сербии Мирослав Перишич [57].

10. Интервью Р. Люшича информационному порталу «Новости». URL: <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/politika/aktuelno.289.html:524208-Rados-Ljusic-Ultimatumi-Srbiji-i-danas-su-bolni-kao-onaj-iz-1914> (дата обращения: 06.09.2019).

11. См. интервью М. Белаяца «Восприятие Сербии в мире как «малой России» во многом определяет нашу судьбу», данное им журналу «Историческая экспертиза» (беседовал и перевел беседу с сербского на русский язык А.А. Силкин). URL: https://istorex.ru/Novaya_stranitsa_94 (дата обращения: 06.09.2019).

Список литературы

1. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. 383 с.
2. Всемирная история. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М.: Наука, 2017. 690 с.
3. Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010. 394 с.
4. Jugoslavij auistorijskoj perspektivi. Beograd, 2017.
5. Силкин А.А. Королевство сербов, хорватов и словенцев Югославия (1918–1941) на страницах коллективного труда «Югославия в исторической перспективе» (Белград, 2017) // Историческая экспертиза. 2019. № 1(18). С. 210–223.
6. Генералы војске Кнежевине и Краљевине Србије / Љубодраг Поповић, М. Милићевић. Београд: Војноиздавачки завод, 2003.
7. Денда Д. Российский союзник на Балканах. Сербская армия 1914–1918 (численность, организация, структура, снаряжение) // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016. С. 57–73.
8. Душан П. Стефановић. Дневник из 1914. Приреддио А. Животић. Београд, 1917.
9. Генерал Михаило Живковић. Добровољачки корпус у Русије. Сећања команданта. Приреддио А.А. Животић. Београд, 2018. 313 с.
10. Животић А. Путникова школа ратне вештине. Главни ђенералштаб воослу Краљевине Србије. (1903–1914). Београд, 2019. 401 с.
11. Моје успомене из Првог светског рата / Стеван Б. Скокнић; прир. М.Ј. Милићевић. Београд: Историјски институт: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003.
12. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. 888 с.
13. Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953.
14. Историја Југославије. Београд, 1972.
15. Ђоровић В. Историја Југославије. Београд, 1933.
16. История Югославии. Москва, 1963.
17. Ристић Д. Митови српске историје. Београд, 2019.
18. Јовановић Р. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913 до 1923 године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1925.
19. Вендел Х. Борба Југословена за Слободу и Јединство. Београд, 1925.
20. Paulova M. Jugoslavenski odbor: povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914–1918. Zagreb, 1925.
21. Petrov G.S. Tragedija Rusije: prolog. Uzroci revolucije 1917. g. Sarajevo, 1922.
22. Скородумов М.Ф. Што треба да зна сваки Словен, а нарочито сваки словенски политичар. Београд, 1939.
23. Спалајковић М., Лавров С.В., Челноков М.В., Клисић Ј. Драма Русије. Београд, 1919.
24. Амосов Н.К. 34-та годишњица Велике Октобарске социјалистичке револуције. Букурешт, 1951.
25. Извори историјског ревизионизма у домаћој историографији. Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти ИБ-овске пропаганде (Приређ. А.Тимофејев). Београд, 2017.
26. Октобарска револуција: 40 година. Загреб, 1957.
27. Вукичевић Ј. Успомене из Октобарске револуције: пролетерска отаџбина // Зборник Матице српске за друштвене науке 22. Нови Сад, 1959.
28. Вурдеља Б. Октобарска револуција 1917. Изложба у Универзитетској библиотеци Светозар Марковић // Библиотекар. 1957. № 3–4.
29. Груловић Н. Југословени у рату и октобарској револуцији. Београд, 1962.
30. Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja, povodom četrdesetogodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora. Zagreb, 1956.
31. Marjanović M. Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran: 1914–1917. Zagreb, 1960.
32. Панић-Суреп М. Октобарска револуција и библиотекарство // Библиотекар. 1957. № 3–4.
33. Pavelić A.S., Meštrović I. Dr. AnteTrumbić: problemi hrvatsko-srpskih odnosa. München, 1959.
34. Пејовић-Протић Б. Октобарска социјалистичка револуција. Београд, 1955.
35. Рид Џ. Десет дана који су потресли свет. Сарајево, 1954.
36. Филиповић Д. Октобарска револуција у југословенској књижи // Библиотекар. 1957. № 3–4.
37. Зборник радова у част 50 годишњице Велике октобарске револуције. Приштина, 1967.
38. Научни скуп Октобарска револуција и народи Југославије. Поводом 50-годишњице Велике октобарске револуције. Београд, 1967. Св. 1–10.
39. Поповић Н.Б. Југословени и октобарска револуција: научни скуп одржан у Београду 5. и 6. новембра 1967 // Прилози за историју социјализма. 1968. № 5.
40. Весовић М. Октобарска социјалистичка револуција: југословенска библиографија књига и брошура 1945–1966 // Прилози за историју социјализма. Београд, 1968. № 5.
41. Јанковић Д. Дејство октобарске револуције на политичке факторе југословенског уједињења // Југословенски историјски часопис. 1967. 1–4.

42. Јанковић Д., Храбак Б., Стулли Б. 50 година Велике октобарске револуције // Југословенски историјски часопис. 1967. 1–4.
43. Петровић Н. Велика октобарска социјалистичка револуција и стварање југословенске државе // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1967. № 46. С. 5–20.
44. Живанов С. Револуција у Русији 1917. године: кључна питања, основни токови и социјални и политички носиоци. Београд, 1988.
45. Поповић Н.Б. Србија и руска револуција 1917–1918. Београд, 2014. 173 с.
46. Станковић Ђ. Никола Пашић и Октобарска револуција // Историја 20. Века. 2001. № 2.
47. Stvaranje Jugoslovenske države 1918. Београд, 1983.
48. Храбак Б. Србија и фебруарска револуција 1917. Године // Зборник радова Филозофског факултета. Приштина, 1978. № XIII. С. 7–58.
49. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
50. Krivokapić G. Rusija u Pašićevom projektu spoljopolitičke orijentacije nove jugoslovenske države u jesen 1918. godine // Tokovi istorije 1–2. Београд, 1993. С. 5–11.
51. Србија и руска револуција 1917. Нове теме и изазови. Тематски зборник радова. Београд, 2017. 428 с.
52. Радоевич М., Димич Л. Србија в великой войне 1914–1918. Краткая история. Белград, 2014. 336 с.
53. Хобсбаум Э. Век империи 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.
54. Фей С. Происхождение мировой войны: В 2 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
55. Klark Kristofer Mesečari. Kako je Evropakrenulaurat 1914. Smederevo, 2014. 600 с.
56. Dedijer V. Sarajevo 1914. Knj. I–II. Београд, 1978.
57. Перишић М. Сарајевски атентат. Повратак документима. Андрићград-Вишеград: Андрићев институт, 2014. 524 с.
58. Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах первой мировой войны. М.: Алгоритм, 2015. 368 с.
59. Љушић Р. Принцип Гаврило (1895–1918): оглед о националном хероју. Београд: Вечерње новости, 2014. 423 с.
60. Митровић А. Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро – Угарске и Немачке 1908–1918. Београд, 1981. 707 с.
61. Митровић А. Србија у Првом светском рату. Београд, 1984.
62. Екмечић М. Ратни циљеви Србије: 1914–1918. Београд, 1992. 229 с.
63. Поповић Н.Б. Србија и царска Русија. друго издање, Београд, 2007.
64. Поповић Н.Б. Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914–1918). Београд, 1977.
65. Popović Nikola B. Srbi u građanskom ratu u Rusiji: 1918–1921. Београд: Institut za savremenu istoriju, 2005. 318 с.
66. Поповић Н.Б. Југословенски доброволци у Русији 1914–1918. Београд, 1977. 423 с.

THE FIRST WORLD WAR AND RUSSIAN REVOLUTIONS IN THE SERBIAN HISTORICAL RETROSPECTIVE

Ya.V. Vishnyakov

The article analyzes the main stages of the formation in Serbia of the historical memory of the events of the First World War and the Russian revolutions of 1917. The author shows the main vectors of the development of scientific ideas about these most important phenomena of European and world history, linking them with the nuances of the formation of the Yugoslavian idea, its assessments and various views on its practical implementation.

Keywords: World War I, historical memory, Russian revolutions of 1917, Serbia, formation of Yugoslavia, kingdom of the SHS, SFRY, J. Tito.

References

1. Senyavskaya E.S. Psihologiya vojny v XX veke. Istoricheskij opyt Rossii. М., 1999. 383 с.
2. Vsemirnaya istoriya. Mir v XX veke: epoha global'nyh transformacij. Kn. 1. М.: Nauka, 2017. 690 с.
3. Timofeev A.Yu. Russkij faktor. Vtoraya mirovaya vojna v Jugoslavii. 1941–1945. М.: Veche, 2010. 394 с.
4. Jugoslavij auistorijskoj perspektivi. Београд, 2017.
5. Silkin A.A. Korolevstvo serbov, horvatov i slovencev Jugoslaviya (1918–1941) na stranicah kolektivnogog truda «Jugoslaviya v istoricheskoj perspektive» (Belgrad, 2017) // Istoricheskaya ekspertiza. 2019. № 1(18). S. 210–223.
6. Generali vojske Kneževine i Kraljevine Srbije / Ljubodrag Popović, M. Milićević. Београд: Vojnoizdavački zavod, 2003.
7. Denda D. Rossijskij soyuznik na Balkanah. Serbskaya armiya 1914–1918 (chislennost', organizaciya, struktura, snaryazhenie) // Vmeste v stoletii konfliktov. Rossiya i Serbiya v XX veke. М., 2016. S. 57–73.
8. Dušan P. Stefanović. Dnevnik iz 1914. Priredio A. Životić. Београд, 1917.
9. Đeneral Mihailo Živković. Dobrovoljački korpus u Rusije. Sećanja komandanta. Priredio A.A. Životić. Београд, 2018. 313 с.
10. Životić A. Putnikova škola ratne veštine. Glavni đeneralštab vooslu Kraljevine Srbije. (1903–1914). Београд, 2019. 401 с.
11. Moje uspomene iz Prvog svetskog rata / Stevan B. Skoknić; priir. M.J. Milićević. Београд: Istorijski institut: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2003.
12. Jugoslaviya v XX veke. Oчерki politicheskog istorii. М.: Indrik, 2011. 888 с.
13. Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953.
14. Istorija Jugoslavije. Београд, 1972.
15. Ćorović V. Istorija Jugoslavije. Београд, 1933.
16. Istorija Jugoslavii. Moskva, 1963.
17. Ristić D. Mitovi srpske istorije. Београд, 2019.

18. Jovanović R. Zašto sam i kako bio i ostao u Rusiji od 1913 do 1923 godine. Kratki memorandum ministru spoljnih poslova Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1925.
19. Vendel H. Borba Jugoslovena za Slobodu i Jedinstvo. Beograd, 1925.
20. Paulova M. Jugoslavenski odbor: povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914–1918. Zagreb, 1925.
21. Petrov G.S. Tragedija Rusije: prolog. Uzroci revolucije 1917. g. Sarajevo, 1922.
22. Skorodumov M.F. Što treba da zna svaki Sloven, a naročito svaki slovenski političar. Beograd, 1939.
23. Spalajković M., Lavrov S.V., Čelnokov M.V., Klisić J. Drama Rusije. Beograd, 1919.
24. Amosov N.K. 34-ta godišnjica Velike Oktobarske socijalističke revolucije. Bukurešt, 1951.
25. Izvori istorijskog revizionizma u domaćoj istoriografiji. Crvena armija i ruska emigracija u Jugoslaviji za vreme Drugog svetskog rata u ogledalu anti IB-ovske propagande (Prired. A. Timofejev). Beograd, 2017.
26. Oktobarska revolucija: 40 godina. Zagreb, 1957.
27. Vukičević L. Uspomene iz Oktobarske revolucije: proleterska otadžbina // Zbornik Matice srpske za društvene nauke 22. Novi Sad, 1959.
28. Vurdelja B. Oktobarska revolucija 1917. Izložba u Univerzitetskoj biblioteci Svetozar Marković // Bibliotekar. 1957. № 3–4.
29. Grulović N. Jugosloveni u ratu i oktobarskoj revoluciji. Beograd, 1962.
30. Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja, povodom četrdesetogodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora. Zagreb, 1956.
31. Marjanović M. Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran: 1914–1917. Zagreb, 1960.
32. Panić-Surep M. Oktobarska revolucija i bibliotekarstvo // Bibliotekar. 1957. № 3–4.
33. Pavelić A.S., Meštrović I. Dr. Ante Trumbić: problemi hrvatsko-srpskih odnosa. München, 1959.
34. Pejović-Protić B. Oktobarska socijalistička revolucija. Beograd, 1955.
35. Rid Dž. Deset dana koji su potresli svet. Sarajevo, 1954.
36. Filipović D. Oktobarska revolucija u jugoslovenskoj knjizi // Bibliotekar. 1957. № 3–4.
37. Zbornik radova u čast 50 godišnjice Velike oktobarske revolucije. Priština, 1967.
38. Naučni skup Oktobarska revolucija i narodi Jugoslavije. Povodom 50-godišnjice Velike oktobarske revolucije. Beograd, 1967. Sv. 1–10.
39. Popović N.B. Jugosloveni i oktobarska revolucija: naučni skup održan u Beogradu 5. i 6. novembra 1967 // Prilozi za istoriju socijalizma. 1968. № 5.
40. Vesović M. Oktobarska socijalistička revolucija: jugoslovenska bibliografija knjiga i brošura 1945–1966 // Prilozi za istoriju socijalizma. Beograd, 1968. № 5.
41. Janković D. Dejstvo oktobarske revolucije na političke faktore jugoslovenskog ujedinjenja // Jugoslovenski istorijski časopis. 1967. 1–4.
42. Janković D., Hrabak B., Stulli B. 50 godina Velike oktobarske revolucije // Jugoslovenski istorijski časopis. 1967. 1–4.
43. Petrović N. Velika oktobarska socijalistička revolucija i stvaranje jugoslovenske države // Zbornik Matice srpske za društvene nauke. 1967. № 46. S. 5–20.
44. Živanov S. Revolucija u Rusiji 1917. godine: ključna pitanja, osnovni tokovi i socijalni i politički nosioci. Beograd, 1988.
45. Popović N.B. Srbija i ruska revolucija 1917–1918. Beograd, 2014. 173 s.
46. Stanković Đ. Nikola Pašić i Oktobarska revolucija // Istorija 20. Veka. 2001. № 2.
47. Stvaranje Jugoslovenske države 1918. Beograd, 1983.
48. Hrabak B. Srbija i februarska revolucija 1917. Godine // Zbornik radova Filozofskog fakul-teta. Priština, 1978. № XIII. S. 7–58.
49. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI).
50. Krivokapić G. Rusija u Pašićevom projektu spoljopolitičke orijentacije nove jugoslovenske države u jesen 1918. godine // Tokovi istorije 1–2. Beograd, 1993. S. 5–11.
51. Srbija i ruska revolucija 1917. Nove teme i izazovi. Tematski zbornik radova. Beograd, 2017. 428 s.
52. Radoevich M., Dimich L. Serbiya v velikoj vojne 1914–1918. Kratkaya istoriya. Belgrad, 2014. 336 s.
53. Hobsbaum E. Vek imperii 1875–1914. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 512 s.
54. Fej S. Proiskhozhdenie mirovoj vojny: V 2 t. M.; L.: Socekgiz, 1934.
54. Klark Kristofer Mesečari. Kako je Evropakrenulaurat 1914. Smederevo, 2014. 600 s.
55. Klark Kristofer Mesečari. Kako je Evropakrenulaurat 1914. Smederevo, 2014. 600 s.
56. Dedijer V. Sarajevo 1914. Knj. I–II. Beograd, 1978.
57. Perišić M. Sarajevski atentat. Povratak dokumentima. Andrićgrad-Višegrad: Andrićev institut, 2014. 524 s.
58. Беляс М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах первой мировой войны. М.: Алгоритм, 2015. 368 s.
59. Ljušić R. Princip Gavrilo (1895–1918): ogled o nacionalnom heroju. Beograd: Večernje novosti, 2014. 423 s.
60. Mitrović A. Prodor na Balkan. Srbija u planovima Austro – Ugarske i Nemačke 1908–1918. Beograd, 1981. 707 s.
61. Mitrović A. Srbija u Prvom svetskom ratu. Beograd, 1984.
62. Ekmečić M. Ratni ciljevi Srbije: 1914–1918. Beograd, 1992. 229 s.
63. Popović N.B. Srbija i carska Rusija. drugo izdanje, Beograd, 2007.
64. Popović N.B. Odnosi Srbije i Rusije u Prvom svetskom ratu (1914–1918). Beograd, 1977.
65. Popović Nikola B. Srbi u građanskom ratu u Rusiji: 1918–1921. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2005. 318 s.
66. Popović N.B. Jugoslovenski dobrovoljci u Rusiji 1914–1918. Beograd, 1977. 423 s.